

къ ней лбомъ, вѣшаютъ хадаки и подносятъ дары ихъ страны — вино, дзамбу, и одну, общую отъ всѣхъ чиновниковъ, тушу барана. Жена князя принимаетъ участіе въ отданіи этихъ почестей лишь въ томъ случаѣ, если она подарила князю наслѣдника и имѣетъ слѣдовательно чиновничій—мэйрэн'скій—шарикъ.

Принеся новогоднія поздравленія богдоханской печати, чиновники, имѣя во-главѣ князя и его семью—не исключая и малолѣтнихъ дѣтей, усаживаются, опять-таки соблюдая старшинство, вокругъ чаши съ виномъ и вареныхъ кусковъ бараньяго мяса и начинаютъ пировать. Въ роли виночерпія или „сунъчи“ состоитъ одинъ изъ чиновниковъ, назначенный заранѣе самимъ цзасакомъ. Чашка съ виномъ все время переходитъ изъ рукъ въ руки пирующихъ. Сначала обыкновенно, пирушка мало оживлена и тиха, такъ какъ монголы усердно заняты ѣдою, но по мѣрѣ насыщенія, а главное обильнаго возліянія, лица цайдамцевъ краснѣютъ, глаза становятся бессмысленными, языки развязываются. Отъ времени до времени голоса людей заглушаются звуками молитвенныхъ бубновъ, трубъ и раковинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе ламами часовни. До поздней ночи, монголы, какъ говорится, „пьютъ, ѣдятъ, рѣчи гуторятъ“... Наконецъ князь тяжело поднимается, идетъ къ печати, беретъ ее въ руки и возлагаетъ на голову каждаго изъ смиренно подходящихъ къ нему чиновниковъ. Затѣмъ, князь прячетъ печать на прежнее мѣсто. Торжество оканчивается.

На второй день Новаго года, монголы-хошунцы обмѣниваются хадаками и угощаются между собою; теперь и чиновники и не-чиновники — всѣ перемѣшиваются другъ съ другомъ, составляя большія и малыя компаніи. И этотъ день, какъ и два предыдущіе, для монголовъ проходитъ быстро, не замѣтно. Общее празднество оканчивается принесеніемъ жертвы—сожженіемъ дорма¹⁾.

Обыкновенно, вечеромъ, процессія монголовъ — князь, ламы, чиновники и простые хошунцы — направляется изъ укрѣпленія въ открытое поле, къ мѣсту, гдѣ уже заранѣе сложенъ большой костеръ. Хамба-лама торжественно несетъ дорма, изрѣдка позванивая колокольчикомъ; прочіе ламы громко читаютъ подъ еще болѣе громкій акомпаниментъ бубновъ, трубъ и раковинъ. Придя къ костру, хамба-лама устанавливаетъ дорма на столъ. Здѣсь, кромѣ ламъ, князя и человѣкъ двадцати монголовъ, расположившихся съ ружьями вокругъ костра, никто изъ прочихъ монголовъ не присутствуетъ. Они стоятъ

¹⁾ W. W. Rockhill. The Land of the Lamas I. c. p. 113—115.